Глава 10. Тушение журавля

— Самое большее — три часа, — произнес Юнь Чанли. — Я уже неплохо восстановился, но если уйду сейчас, мне потребуется еще два часа, чтобы выбраться.

Гу Сань усмехнулся:

— Тогда ступай. Чем раньше уйдешь, тем дальше сбежишь.

Юнь Чанли поднял руку, но Гу Сань остановил его:

— Нет-нет, только не вздумай вырубать меня, чтобы замести следы.

— Запреты разрушены, кто знает, что еще случится. Я должен быть в сознании, — улыбнулся Гу Сань. — Иди, у меня свои способы выкрутиться.

Юнь Чанли помолчал, а затем внезапно спросил:

— Зачем ты меня спас?

— Спас? — усмехнулся Гу Сань. — Разница в силах слишком велика, что ни делай, результат будет один. Когда выбора нет, лучше всего выбрать самый легкий путь.

Юнь Чанли опустил взгляд и произнес:

— Как бы то ни было, я запомню эту милость. Если доведется, в будущем непременно отплачу.

Сделав шаг, он взмыл к выходу из пещеры.

Неизвестно почему, но на самом выходе он обернулся и бросил напоследок:

— Ты слишком много думаешь, слишком глубоко всё воспринимаешь. В погоне за Дао беги от мирской суеты, только берегись — от избытка мудрости легко пострадать.

Гу Сань крикнул ему в ответ:

— И то верно!

Юнь Чанли ушел, оставив после себя густой запах крови, заполнивший всю пещеру.

Гу Сань пробормотал:

— Осталось не больше двух часов, дед вот-вот явится.

Система испугалась:

— Что же делать?

Этот наполненный кровью воздух, пропавшие пилюли — как теперь перед всеми отчитываться?

— Не бойся, Юнь Чанли действует основательно, когда ломал запреты, он наверняка снес их все разом. Мне нужно лишь замазать этот кровавый дух и объяснить, куда делись пилюли.

— Ну тогда ладно… — Система тут же возмутилась: — Какое ладно! Разве пилюли так легко оправдать? Разве запах крови так просто выветрить?

— А кто говорил, что его нужно выветривать? — улыбнулся Гу Сань.

Он взмахнул пальцами и вытащил деревянную бирку, на которой было вырезано слово «перо».

Шепотом произнеся заклинание, он замахал всеми десятью пальцами.

Из деревярки выпорхнул журавль.

Белоснежные перья, алая макушка, изящная осанка.

Гу Сань окинул его взглядом, уголки его губ изогнулись в улыбке:

— Я могу перебить этот запах еще более густой кровью.

Журавль: «?»

Гу Сань:

— Хороший мой, подойди-ка, поделись кровью.

Журавль: «!!!!!!!!!!!!!!!»

Секретное Подземное Царство.

Вспыхивали мечи, вовсю летела пыль.

Гу Циньляо сложил средний и указательный пальцы вместе, и в тот же миг вспыхнул ослепительный морозный свет, с силой обрушиваясь на вход в мини-мир.

— Плохо дело! — один за другим закричали старейшины. — Запреты пещеры разрушены!

Мини-мир рушился, тая смертельную опасность, и многие старейшины, защищая молодежь, были совершенно не в силах выбраться наружу.

Сердце Гу Циньляо сжалось.

— Проклятье!

Цзи Яо опустил взгляд, Юаньчжи кружилась вокруг него вверх и вниз.

Ученики Даосской Обители Чистого Холода наконец собрались вместе, но ничем не могли помочь.

Оставалось лишь смотреть, как все старейшины атакуют одну точку, пытаясь пробить вход, закрытый из-за нехватки духовной энергии.

Спустя два часа Секретное Подземное Царство рухнуло.

Гу Циньляо взмахнул широким рукавом, подхватил всех учеников и вихрем помчался к пещере.

Издалека потянуло запахом крови.

Лицо Гу Циньляо изменилось.

— Внучек!

Его еще не было видно, но меч уже летел впереди.

Обжигающий холод накатил со всех сторон.

Гу Сань торопливо окликнул:

— Дед!

Гу Циньляо ворвался в пещеру и крепко прижал внука к груди, а меч Вэйян вонзился прямо в каменный пол.

— Что здесь стряслось?

Цзи Яо и Линь Ань следовали по пятам.

Гу Сань надул губы:

— Разве дед сам не велел мне погрузиться в мирскую суету?

Гу Циньляо отпустил его:

— А?

Гу Сань указал пальцем себе за спину и произнес:

— Я попытался погрузиться, но кто же знал, что это выглядит до боли больно.

Гу Циньляо и остальные подняли глаза и лишь теперь заметили, что в глубине пещеры ярко мерцает свет от свечей и смутно виднеется силуэт журавля.

Цзи Яо зажал между пальцами талисман, вспыхнул огонь — и вся пещера озарилась светом.

И впрямь, там стоял журавль: с алым гребнем, белоснежными перьями, еле живой.

На его крыле красовался глубокий порез от клинка, кровь залила весь пол.

Гу Циньляо замер.

В памяти внезапно всплыли слова, что он сам говорил Гу Санцину по дороге.

Жаря мясо, он приговаривал Гу Санцину:

— Не погрузившись в мирскую суету, как разрушить её?

Жарил мясо и приговаривал…

Жарил мясо…

Мясо…

— Внучек! Ты что, собрался этого журавля зажарить и съесть?! — в ужасе завопил Гу Циньляо.

Линь Ань тоже опешила.

Гу Сань обиженно протянул:

— Разве нельзя?

Гу Циньляо растерялся:

— Да в общем-то… можно…

Линь Ань:

— Прародитель Гу!

Гу Циньляо пару раз кашлянул:

— Конечно нельзя! Разве можно так поступать со столь священным духом… С чего это тебе вдруг захотелось съесть журавля, которого подарила старшая сестра?!

Гу Сань возразил:

— Но ведь и дед, и старший брат дарили мне только еду. Значит, то, что дарит старшая сестра — тоже еда?

Гу Циньляо удивился:

— Разве тебе еду приносит не твой доблестный старший брат? С каких это пор дедушка стал баловать тебя едой?

Гу Сань скорчил такое лицо, будто собирался расплатиться слезами:

— Разве нет? А те маленькие сахарные шарики, что ты дал мне перед отправлением в путь?

Гу Циньляо:

— Какие еще сахарные шарики? Откуда у деда с собой сладости?

Гу Сань принялся показывать руками:

— Очень маленькие, на вкус горькие.

И с необъяснимой гордостью добавил:

— Но я всё равно их съел!

Гу Циньляо остолбенел:

— Что? На свете бывают горькие сладости?

Линь Ань с бесстрастным лицом произнесла:

— Прародитель Гу, это была пилюля Возвращения к Жизни, пожалованная главой сектантского наставления.

— Пилюля Возвращения к Жизни? — Гу Циньляо повернулся к нему. — Зачем тебе понадобилась пилюля Возвращения к Жизни, этот старый даос давно отдал её внучку…

Он резко опустил голову и посмотрел на Гу Санцина.

В пещере воцарилась зловещая тишина.

Гу Сань изо всех сил изображал крайний испуг, и крупные слезы капали одна за другой.

Хотя на душе у него скребли кошки.

Одно дело — знать, как правильно поступить, и совсем другое — сделать это наяву.

Дед, старший брат, старшая сестра.

Все они думают о нем, переживают за него.

Гу Циньляо — хороший дед, старший брат — хороший брат, и старшая сестра — хорошая сестра.

Ради него они прорвались сквозь секретное царство почти на час раньше.

А он… он обманывал их.

Ради собственных догадок, ради того, чтобы укрыть случайного попутчика Юнь Чанли.

Он ранил журавля, которого дала Линь Ань, скормил дедову чудесную пилюлю и солгал им.

Солгал.

Он снова и снова твердил себе, что всё в порядке, что это ради спасения собственной жизни, и только если Гу Санцин выживет, они по-настоящему будут счастливы.

Всё хорошо, всё в порядке.

Спустя долгое время Цзи Яо нарушил молчание:

— Прародитель Гу, главное, что младший брат не пострадал. Не гневайтесь так сильно, берегите здоровье.

Гу Циньляо вздохнул, прижал Гу Санцина к груди и заговорил:

— Не плачь, не плачь. — Затем он бросил на стоявших вокруг учеников: — Чего застыли? Ступайте, спасите журавля!

Толпа учеников тут же бросилась врассыпную.

Гу Циньляо мягко произнес:

— Послушай деда, Санцин.

Ты еще мал и не знаешь, сколь коварны людские сердца. Не знаешь, что на свете есть куда больше вещей, чем еда и забавы, и помимо брата с сестрой существуют другие люди — добрые и злые. Нельзя тянуть в рот всё подряд. Это моя вина, что я не предупредил тебя о ценности этой пилюли. Она предназначена для спасения жизни, а ты её съел — что же будешь делать, если случится беда? Дед не сможет заботиться о тебе вечно, и я право не знаю… с такой твоей наивностью мне радоваться или тревожиться?

Ни единого упрека.

Он уничтожил столь драгоценную пилюлю, а Гу Циньляо не сказал ему ни единого упрека.

Гу Сань смотрел перед собой широко открытыми глазами, а слезы катились градом.

Уткнувшись в плечо Гу Циньляо, он рыдал навзрыд, надрывая душу.

В те восемнадцать лет своей прошлой жизни он страдал от голода до потемнения в глазах, воровал, грабил, в лютые морозы просил милостыню на улице в одной тонкой рубашке.

Кости для игры у Гу Да стучали громко и звонко, Гу Эр сидел у порога, молча глядя наружу.

Побледнев от холода, он пытался обнять брата за ногу.

Гу Да отпихивал его.

Он снова обнимал — его снова отпихивали.

Разбив голову до крови, он переставал лезть и забивался под стол.

Там было тепло.

Запах табака, запах вина, стук костей, смех.

И даже когда кто-нибудь случайно задевал его ногой, он не плакал.

Он разучился плакать с тех самых пор, как понял: от слез нет никакого толку.

Когда знаешь, что плакать бесполезно, остается лишь со смехом глотать собственную кровь.

Разве можно назвать настоящей болью ту обиду, о которой можно рассказать вслух?

— Эх, ну чего ты плачешь… — утешал его Гу Циньляо. — Хватит реветь, разве подобает мужчине вечно лить слёзы? Дед ведь не ругает тебя, дед просто переживает…

В этот момент Гу Сань выплакивал все слезы своей прошлой и нынешней жизни, словно желая иссушить их до дна.

Гу Циньляо растерялся:

— Цзи Яо, иди сюда скорее, что же это он так горько плачет?

Захлебываясь и икая от слез, Гу Сань продолжал рыдать.

Цзи Яо подхватил его на руки, прижал к себе и стал укачивать:

— Санцин, хороший мой, не плачь. Выйдем отсюда, и старший брат купит тебе рисовых лепешек и всяких лакомств, хорошо?

Линь Ань тоже неуклюже добавила:

— Старшая сестра не сердится, что ты хотел отведать того журавля.

Но в конце концов всё же не удержалась и уточнила:

— Но журавлей и вправду не едят.

Гу Сань взвыл:

— У-у-у…

Цзи Яо:

— Младшая сестра, помолчи-ка лучше.

Линь Ань:

— ……

http://bllate.org/book/30708/3743237